

М.В. Барабанов

Вступление европейских сообществ и постсоциалистических восточноевропейских стран на путь создания объединенной Европы: замыслы и результаты

В статье освещаются основные события, раскрывающие замыслы ведущих стран ЕЭС после крушения социализма в Восточной Европе о создании «единой Европы» путем поспешного принятия в Евросоюз большинства восточноевропейских стран; подводятся итоги этих замыслов.

Ключевые слова: объединенная Европа; европейская интеграция; постсоциалистические страны; ЕЭС; Общий рынок; европейские сообщества; ЕС.

Европейский союз (ЕС) переживает сегодня, как известно, сложные времена. Одни исследователи видят истоки нынешних проблем в Евросоюзе в самой «европейской идее», заведомо, по их мнению, не реализуемой. Другие — в прошлой деятельности ЕЭС и Европейского сообщества¹, когда так и не удалось в полной мере сочетать, как утверждает эта группа аналитиков, интересы всего сообщества, вытекавшие из общеевропейских интеграционных процессов, и национальные интересы каждой страны — члена Сообщества.

Думается, что нынешние трудности в функционировании ЕС берут свои истоки в конце 1980 – начале 1990-х годов, когда после крушения социализма начался ускоренный процесс включения в европейскую экономическую и политическую интеграцию бывших восточноевропейских социалистических стран, когда был дан зеленый свет непродуманному до конца расширению Евросоюза. Приход в целом неподготовленных «новичков» спровоцировал в ЕС процесс централизации принимаемых решений.

Отсюда возникает необходимость еще раз вернуться к истории, развернувшейся на рубеже веков, — к истории формирования «принципиально» новых отношений между Европейским сообществом и постсоциалистическими восточноевропейскими странами с благовидной целью создания новой объединенной Европы.

¹ После вступления в силу «Договора о слиянии» в июне 1967 года ЕЭС, ЕВРАТОМ, ЕОУС стали именовать европейские сообщества или европейское сообщество. Многие аналитики продолжали использовать термины ЕЭС, Общий рынок.

После крушения социализма в Европе «восстановление независимости восточноевропейских народов» (по западной терминологии) стало восприниматься на Западе как беспрецедентный шанс положить «конец периоду европейской междоусобицы, начавшемуся в 1914 году» и «создать подлинно свободную Европу» [16: p. 214].

Политики, аналитики, эксперты и ученые, принадлежащие к политическому классу ведущих западноевропейских стран, принялись рассуждать о путях создания новой объединенной Европы. Они вспомнили о глубоких исторических корнях «европейской идеи» [20: p. 42].

Многие исследователи предложили отказаться от самого понятия «Восточная Европа», поскольку, с их слов, все бывшие коммунистические страны рассматривали себя как «неотъемлемую часть Западной Европы» [18: p. 48].

Тем не менее на Западе еще долго будет бытовать термин «Восточная Европа»². И дело здесь не в «погрешности дефиниции», замечает российский исследователь И.И. Орлик, — этим термином «подчеркивались маргинальность, отличие (подчас весьма существенное) от гораздо более развитых в экономическом и политическом отношениях, по степени давно обретенной суверенности стран Западной Европы» [8: с. 14].

Падение коммунистических режимов впервые открыло реальные возможности объединения Европы. Однако возникшая и постоянно усилившаяся социально-политическая и экономическая нестабильность препятствовали, по мнению западных экспертов, «воцарению мира и демократии в Европе».

Тогдашние официальные лица на Западе, например вице-президент КЕС Ф. Андриесен, признавали, что развитие демократии в восточноевропейских странах невозможно без срочной помощи. А помощь будет оказана только в том случае, подчеркивали в Брюсселе, если в отношениях будет достигнут определенный уровень доверия [9: p. 7].

Чтобы не допустить краха социальных и экономических реформ в Восточной Европе и восстановления там национально-авторитарных режимов, создающих угрозу экономике и безопасности западноевропейцев, Европейское сообщество предполагало оказывать восточноевропейским странам техническую и экономическую помощь, наладить сотрудничество и содействовать экономическому развитию, предоставлять гуманитарную помощь, обеспечивать потребности перспективного развития «большой и единой Европы» [14: p. 15].

Финансирование этой деятельности должно было осуществляться в основном из бюджета Европейского сообщества и частных фондов [15: p. 13]. По оценкам западных экспертов, на нужды структурной перестройки в Восточной Европе необходимо было израсходовать фантастическую сумму — не менее 2 трлн долл. [17: s. 109].

² Использование в нашем случае терминов «Восточная Европа», «Западная Европа», «восточноевропейские страны» обусловлено тем, что они связаны с делением мира в годы холодной войны на Запад (мир капитализма) и Восток (мир социализма).

Краеугольным камнем фундамента объединенной Европы, по замыслам западных «строителей», должна была стать экономическая и политическая интеграция разрозненных ранее двух частей европейского континента [11: р. 21]. Ф. Андриесен считал, что понятие «европейская интеграция» устарело и теперь следовало бы говорить об «интеграции Европы», придавая этому термину более широкое значение [9].

Анализ зарубежных публикаций, вышедших на рубеже 1980–1990-х годов, показывает, что в Западной Европе тогда многих охватила эйфория, уверенность в том, что процессы «европеизации» постепенно набирают силу, что Европа станет вскоре мощнейшей экономической силой глобального масштаба [12: р. 12].

Казалось, что накопленный экономический потенциал позволит Европе направлять ресурсы для достижения общих целей, успешно решить современные экономические, технологические, финансовые, экологические и другие проблемы. При этом европейцы верили в то, что не произойдет излишней «зарегулированности» и централизации, не будет посягательства на суверенитет национальных государств.

Европейский союз оказался главным полюсом притяжения для восточноевропейских стран и их новых политических элит [12: р. 12]. Новые руководители восточноевропейских стран стремились как можно быстрее «войти» в Европу, надеясь, таким образом, безболезненно решить все накопившиеся внутренние проблемы. Восточноевропейские страны, которые характеризовались средним уровнем экономического развития, вдруг уверовали в возможность достижения благосостояния, просто став членами богатого и преуспевающего Евросоюза [8: с. 19].

Что касается простых жителей восточноевропейских стран, то надо признать, что еще до свержения коммунистической власти большинство из них симпатизировало Западу. У многих восточноевропейцев было искреннее убеждение в своей идентичности с западноевропейцами, и Европейское сообщество пыталось сберечь это убеждение.

В это же время в политических и научных кругах Старой Европы развернулась полемика, связанная с возможными проблемами, вытекающими из процесса интеграции в Евросоюз бывших социалистических стран Восточной Европы. Многие специалисты довольно трезво и обстоятельно рассуждали о форме отношений бывших европейских социалистических стран с Европейским сообществом, считая, что значительное увеличение числа участников ЕС осложнит его функционирование [11: р. 23].

Официальная оценка ЕС в ходе полемики о возможности вступления восточноевропейских стран в Сообщество отличалась вначале сдержанностью. Считалось, что на тот период времени «по различным, в том числе и стратегическим экономическим, соображениям предпосылки для вступления этих стран в ЕС отсутствовали» [21: с. 53].

Наиболее предпочтительным, с точки зрения большинства европейских специалистов, являлось бы заключение между ЕС и восточноевропейскими странами соглашений об ассоциации. В их основу должен был быть положен принцип «помощь — для самопомощи», который означал открытие в одностороннем порядке рынка ЕС для товаров из Восточной Европы, расширение экономического и научно-технического сотрудничества, развитие политического и культурного диалога со всеми странами Восточной Европы [10; 17; 13].

Предполагалось, что вступающие в Сообщество страны должны будут полностью адаптироваться к духу коммунитарности, т. е. принять сложившуюся систему законов Сообщества и основные принципы его политики. В то же время Сообщество должно было создать социально-политическую структуру, благоприятную для значительного географического расширения своих границ. Для этого необходимо было выполнение трех условий: создание климата терпимости; четкое разделение функций различных уровней власти; реальная демократизация до уровня Сообщества.

Терпимость означала, что каждое государство имеет право на сохранение своих политико-экономических и других традиций.

Четкое разделение функций различных уровней власти предполагало, что на уровень ЕС должны выноситься только те вопросы, которые могут быть эффективно решены на национальном уровне.

Реальная демократизация на уровне Сообщества должна была состоять, по мнению некоторых специалистов, в проведении прямых выборов в Европарламент, в его непосредственном участии при принятии решений по бюджетным и кадровым вопросам, расширения его законотворческой деятельности. Ведь дело доходило до курьеза: министры Сообщества отвечали перед своими парламентами и не несли ответственности перед органами ЕС; в то же время принимаемые ими законы были обязательны для прямого исполнения в странах ЕС [9: p. 8].

В сентябре 1990 года Комиссия ЕС разработала «Общие параметры соглашений об ассоциации» со странами Восточной Европы. Римский договор 1957 года допускал, как известно, разработку весьма широкого спектра вариантов ассоциации [1].

Документ Комиссии устанавливал в качестве исходных условий ассоциации не только экономические, но и политические критерии, включая верховенство закона, уважение прав человека, многопартийность, свободные выборы.

На базе «Общих параметров соглашений об ассоциации» начались переговоры с Чехословакией, Польшей и Венгрией, в ходе которых они столкнулась с серьезными проблемами. Соглашения, подписанные 16 декабря 1991 года, не предусматривали, в частности, свободного движения ни товаров, ни людей.

Лишь в последний момент Европейское сообщество согласилось включить в них положение о том, что вступление в Сообщество представляет «конечную, хотя и не автоматическую цель» ассоциации. Все это, полагал исследователь

С.Ф. Крамер, внушало сомнения в успехе реформирования и приобщения к ЕС даже этих трех государств. В то же время соглашения с ними включали риск воздвигнуть новый барьер между Польшей, Чехословакией, Венгрией и их менее благополучными соседями [16: р. 214].

Формирование последовательной и всесторонней стратегии Европейского сообщества по отношению к Восточной Европе осложнялось, конечно, расхождениями в интересах отдельных западноевропейских стран и несогласованностью их национальных курсов. Речь идет, прежде всего, о Германии и Франции. Ни для кого не было секретом, что именно эти страны развернули борьбу за политическое влияние над «освобожденными» от социализма восточноевропейскими странами. И шансов в этой борьбе было больше у Германии, поскольку та после объединения страны стала самой крупной и населенной страной ЕС.

Тем не менее многие аналитики полагали, что «германская политика в отношении Востока логична и ясна» [16: р. 214], что немцы отдают себе отчет в том, что их партнеры, как на Западе, так и на Востоке, опасаются экономического превосходства Германии и что, наконец, поведение Германии подтверждает, что она не претендует на роль политического лидера Европы.

Что касается политики Франции, то, по мнению некоторых экспертов, она имела «извилистые очертания» [16: р. 214]. Французское руководство опасалось, что расширение Сообщества за счет стран Восточной Европы, культурно и экономически близких Германии, даст дополнительные преимущества ФРГ. Поэтому Ф. Миттеран выдвинул идею конфедерации, реализация которой должна была «удержать народы Востока вне рамок ЕС при установлении с ним привилегированных связей» [16: р. 214]. При этом французского президента нисколько не смущало его стремление выступать в качестве защитника интересов восточноевропейских государств, опираясь на исторические традиции.

Но концепция общеевропейской конфедерации (с участием России, но без США) никогда с момента ее провозглашения в декабре 1989 года не пользовалась большой популярностью ни во Франции, ни вне ее, а по мере конкретизации начала вызывать все более резкую оппозицию.

Состоявшаяся 12–14 июня 1991 года в Праге международная конференция, посвященная идее конфедерации, закончилась, по общему мнению, провалом. Взвешенные предложения, исходящие из некоторых политических кругов, из научного сообщества стран Запада были отвергнуты. Курс на постепенную интеграцию постсоциалистических восточноевропейских стран в «единую» Европу был свернут.

По большому счету, это было ожидаемо. Во-первых, действия руководства ЕС по ускоренной интеграции в свои ряды бывших социалистических восточноевропейских стран были политически мотивированными в силу основной причины: существование по соседству с группой постсоциалистических государств

с социально-экономическими и этническими проблемами и неустойчивой демократической структурой было потенциально опасным для Евросоюза. Причем в Сообществе основной опасностью для «молодых демократий» считали не коммунизм как политическое движение или идеологию, а «взрывоопасную смесь авторитарной политической культуры, социал-популизма, антисемитизма, шовинизма и ксенофобии» [21: с. 34].

Во-вторых, в европейской элите произошло изменение видения единой Европы: это не «Европа народов», предусматривающая, как говорят политологи, «сохранение коллективных идентичностей»; это «Европа как плавильный котел», построенная по «унифицированным лекалам глобального Запада» [5]. И тогда европейские лидеры заговорили о форсированном расширении на Восток, прикрываясь лозунгами о необходимости «утверждения демократии и стабильности в Восточной Европе».

Западные страны обещали кандидатам в члены Евросоюза многое, о чем те мечтали, причем «закрывая глаза на то, что эти страны не полностью соответствуют западноевропейским политическим и экономическим стандартам» [8: с. 19].

Государствам Восточной Европы в ходе подготовки к их членству в ЕС была оказана значительная финансовая помощь. «Например, Венгрия в 1990–1999 годах получила около 1 млрд экю; 42 % этой суммы было предназначено на развитие экономики и преобразование ее структуры, 22 % — на развитие инфраструктуры, 21 % — на усовершенствование подготовки кадров, 15 % — на подготовку к европейской интеграции и развитие прочих отраслей хозяйства» [7].

В Сообществе оказание финансовой помощи рассматривали, прежде всего, как катализатор развития, подчеркивая, что эта помощь «должна иметь соответствующие политические предпосылки» [21: с. 42].

Присоединение Восточной Европы, безусловно, позволяло усилить экономический и политический вес ЕС в мире. Специалисты указывали на впечатляющие долгосрочные результаты крупного расширения Европейского союза. Все заранее восторгались еще не состоявшимся — тем, что в случае удавшегося расширения ЕС будет насчитывать 400 млн человек и обладать самым высоким ВВП в мире [20: р. 46].

И только не многим в Европе было ясно, что Евросоюз взял курс на «пошаговое» освоение пространства стран Восточной Европы «под себя» [3]: «оказание материальной помощи – предоставление финансовых ресурсов – постепенное открытие рынка – выдвигание критериев членства – разработка стратегии подготовки к членству в ЕС – захват рынка, его трансформация под стандарты общего рынка ЕС».

В июне 1993 года на сессии Европейского совета в Копенгагене было принято решение о возможном приеме ассоциированных стран Восточной Европы в качестве равноправных членов ЕС [7].

Прошли десятилетия, почти все бывшие социалистические восточноевропейские страны стали членами Европейского союза. Надо признать, что в результате

членства в ЕС «новички» добились немало; в то же время осталось много нереализованных ожиданий и надежд.

Если смотреть на современный Евросоюз как на конкретное европейское политико-административное образование с конкретным внутренним политико-административным устройством, то встает главный вопрос: насколько далеко вперед продвинулись создатели проекта объединенной Европы, довольно поспешно приняв в Евросоюз большинство восточноевропейских стран? Для большинства специалистов, а самое главное — для большинства «старых европейцев» ответ на этот вопрос является отрицательным. Почему?

Во-первых, причина нынешних проблем ЕС кроется в его ускоренном расширении. Вместо 12 относительно равных экономически и близких культурно европейских государств появилось 28 — с большими контрастами в развитии. Вероятно, выход Великобритании из Евросоюза вызван именно нежеланием населения тратить средства на Восточную Европу, ежегодно перечисляя в бюджет ЕС два миллиарда евро.

Во-вторых, страны — основатели ЕС столкнулись, как они считают, с проявлением абсурдности в политике «новых европейцев», которая прямо противоречит декларируемым общеевропейским ценностям. Не прошло и десяти лет после вступления в ЕС, как страны Восточной Европы начали отвергать либеральные ценности, в том числе в области свободы прессы, морали и семейных отношений, религии и культурных традиций. И эта «деструктивная политика» некоторых восточноевропейских стран, утверждают многие аналитики на Западе, будет нарастать.

В-третьих, в самом Европейском союзе, в так называемой сердцевине европейского объединительного процесса, существует ряд серьезных институциональных проблем. В нынешнем Европейском союзе, по образному выражению некоторых российских аналитиков, есть «страны-локомотивы», есть и «страны-вагоны» [2]. И, конечно, при принятии решений последнее слово остается всегда за «странами-локомотивами». Прямо говоря, ведущие страны ЕС во главе с Берлином при принятии решений подминают под себя слабые страны Евросоюза, прежде всего восточноевропейские государства.

В-четвертых, главные страны Евросоюза пытаются жестко навязывать всем другим членам ЕС свое видение «общей» европейской политики, «общего» европейского дома. Налицо — диктат со стороны крупных стран ЕС. К примеру, они постоянно рассказывают сказки восточноевропейским странам-«новичкам» о том, что «Евросоюз — не клуб христианских держав» (к вопросу о христианской морали), что «космополитическая Европа» якобы «давно миновала этап национальных государств», что «Европа немыслима в национальных категориях мышления» и т. п. [19: р. 70]. При этом всеми силами оберегают свою идентичность, национальную и культурную самобытность. Конечно, такой двойной стандарт вызывает возмущение у элит восточноевропейских стран.

В-пятых, появились признаки острой конкуренции между «новичками» — восточноевропейскими странами — членами ЕС. Оправдывается прогноз о том, что вступление государств Восточной Европы в ЕС «не преодолет раскол Европы, а разногласия и противоречия в ЕС будут нарастать» [6: с. 49]. Все это отдалает мечту о демократической и единой Европе

Наконец, в-шестых, не может быть единой Европы без уважительного отношения со стороны ЕС к России. «Превращение Восточной Европы в Западную, а западных территорий Советского Союза в Восточную Европу стало новой системной геополитической трансформацией, направленной против России», — писал упомянутый выше И.И. Орлик [7].

Быстро проведенное вовлечение бывших восточноевропейских социалистических стран в западные экономические интеграционные структуры и в военные структуры, в конечном счете, не служило, как справедливо утверждают российские исследователи И.Г. Жиряков и М.В. Макаренков, интересам создания единой Европы [4: с. 195–196].

Заметим, что несмотря на все вышеизложенное, в сегодняшних условиях острого противостояния Запада (включая, конечно, страны Восточной Европы) с Россией отказываться от планов выстраивания нормальных взаимоотношений нашей страны с Европейским союзом нельзя.

Литература

1. Договор об учреждении Европейского экономического сообщества от 25 марта 1957 г. (ЕЭС) // Документы Европейского союза: в 3 т. Т. 1. М.: Право, 1994. С. 95–288.
2. *Болдырев Ю.* Выход Британии из ЕС — нам бы их проблемы... URL: <http://svpressa.ru/politic/article/151367/?aft=1> (дата обращения: 28.12.2016).
3. *Глинкина С.П.* Анализ трансформационных процессов в посткоммунистических странах: попытка развенчания некоторых мифов. URL: <http://www.imerieurasia.ru/baner/transformation.ppt> (дата обращения: 28.12.2016).
4. *Жиряков И.Г., Макаренков М.В.* Австрия и европейская экономическая интеграция в контексте отношений Запад – Восток. М.: ИИИУ МГОУ, 2016. 220 с.
5. *Коровин В.* Европа забыла о Шенгене // Взгляд. Деловая газета. 2015. 20 января.
6. *Кульми Д.* Строительство Европы в сфере обороны // Современная Европа. 2000. № 3. С. 47–51.
7. *Орлик И.И.* Центрально-Восточная Европа: от СЭВ до Евросоюза // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 3–9. URL: www.perspektivy.info/print.php?ID=59591 (дата обращения: 28.12.2016).
8. Основные тенденции во взаимоотношениях России и стран Центрально-Восточной Европы / отв. ред. И.И. Орлик. М.: ИЭ РАН, 2015. 426 с.
9. *Andriessen P.* Political control in the process of integration // Europ. affairs. Amsterdam, 1991. № 6. P. 6–9.
10. *Balazs P.* New opportunities for integration in Central-Eastern Europe // Interw. spectator. Roma, 1990. Vol. 25. № 3. P. 184–188.
11. *Bangemann M.* The process of European unification // Studia diplomatic. Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 21–30.

12. Business welcomes united Europe // *Europ. affairs*. Amsterdam, 1991. № 6. P. 11–14.
13. *Finder J.* The KG policy in Eastern Europe // *Intern, spectator Roma*, 1990. Vol. 25. № 3. P. 174–183.
14. From the Single Act to Maastricht and beyond, the means to match our ambitions // *Bull. of the Europ. communities. Supp L 1*. Luxembourg, 1992. Febr. 12. P. 15.
15. *Kramer H.* The EC and the Stabilization of Eastern Europe // *Ausseripolitik*. Hamburg, 1992. Vol. 43. № 1. P. 12–21.
16. *Kramer S.Ph.* Western Europe's «eastern question» // *World Today*. L., 1991. Vol. 47. № 12. P. 212–215.
17. *Langguth G.* The single European market: also an opportunity for Eastern Europe? // *Hamburg*, 1992. Vol. 43. № 2. S. 107–114.
18. *Ruhl L.* Defense: La longue marche fr. — allem. // *Rev. des deux mondes*. P., 1991. № 12. P. 46–58.
19. *Ulrich B.* Comprendre l'Europe telle qu'elle est // *Le Debat*. P., 2004. № 129. P. 70.
20. *Ungerer W.* European perspectives and Central Europe // *Studia diplomatic*. Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 41–51.
21. *Weidenfeld W., Huterber M.* Osteuropa: Herausforderungen – Problemen – Strategien // *Forschungsgruppe Europa*. Mainz, 1991. S. 53.

Literatura

1. Dogovor ob uchrezhdenii Evropejskogo e'konomicheskogo soobshhestva ot 25 marta 1957 g. (EE'S) // *Dokumenty' Evropejskogo soyuza: v 3 t.* T. 1. M.: Pravo, 1994. S. 95–288.
2. *Boldy'rev Yu.* Vy'ход Britanii iz ES — nam by' ix problemy'... URL: <http://svpressa.ru/politic/article/151367/?aft=1> (data obrashheniya: 28.12.2016).
3. *Glinkina S.P.* Analiz transformacionny'x processov v postkommunisticheskix stranax: popy'tka razvenchaniya nekotory'x mifov. URL: <http://www.imepi-eurasia.ru/baner/transformation.ppt> (data obrashheniya: 28.12.2016).
4. *Zhiryakov I.G., Makarenkov M.V.* Avstriya i evropejskaya e'konomicheskaya integraciya v kontekste otnoshenij Zapad – Vostok. M.: IIIU MGOU, 2016. 220 s.
5. *Korovin V.* Evropa zaby'la o Shengene // *Vzglyad*. Delovaya gazeta. 2015. 20 yanvarya.
6. *Kul'mi D.* Stroitel'stvo Evropy' v sfere oborony' // *Sovremennaya Evropa*. 2000. № 3. S. 47–51.
7. *Orlik I.I.* Central'no-Vostochnaya Evropa: ot SE'V do Evrosoyuza // *Novaya i novejschaya istoriya*. 2009. № 2. S. 3–9. URL: www.perspektivy.info/print.php?ID=59591 (data obrashheniya: 28.12.2016).
8. Osnovny'e tendencii vo vzaimootnosheniyax Rossii i stran Central'no-Vostochnoj Evropy' / otv. red. I.I. Orlik. M.: IE' RAN, 2015. 426 s.
9. *Andriessen P.* Political control in the process of integration // *Europ. affairs*. Amsterdam, 1991. № 6. P. 6–9.
10. *Balazs P.* New opportunities for integration in Central-Eastern Europe // *Interw. spectator. Roma*, 1990. Vol. 25. № 3. P. 184–188.
11. *Bangemann M.* The process of European unification // *Studia diplomatic*. Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 21–30.
12. Business welcomes united Europe // *Europ. affairs*. Amsterdam, 1991. № 6. P. 11–14.
13. *Finder J.* The KG policy in Eastern Europe // *Intern, spectator Roma*, 1990. Vol. 25. № 3. P. 174–183.

14. From the Single Act to Maastricht and beyond, the means to match our ambitions // Bull. of the Europ. communities. Supp L 1. Luxembourg, 1992. Febr.12. P. 15.
15. *Kramer H.* The EC and the Stabilization of Eastern Europe // *Ausserpolitik.* Hamburg, 1992. Vol. 43. № 1. P. 12–21.
16. *Kramer S.Ph.* Western Europe's «eastern question» // *World Today.* L., 1991. Vol. 47. № 12. P. 212–215.
17. *Langguth G.* The single European market: also an opportunity for Eastern Europe? // Hamburg, 1992. Vol. 43. № 2. S. 107–114.
18. *Ruhl L.* Defense: La longue marche fr. — allem. // *Rev. des deux mondes.* P., 1991. № 12. P. 46–58.
19. *Ulrich B.* Comprendre l'Europe telle qu'elle est // *Le Debat.* P., 2004. № 129. P. 70.
20. *Ungerer W.* European perspectives and Central Europe // *Studia diplomatic.* Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 41–51.
21. *Weidenfeld W., Huterber M.* Osteuropa: Herausforderungen – Problemen – Strategien // *Forschungsgruppe Europa.* Mainz, 1991. S. 53.

M.A. Barabanov

**Entering of the European Communities
and Post-Socialist Eastern European Countries the Path
of Creation of «United» Europe:
Intentions and Results**

The article highlights the major events that reveal the intentions of the leading EEC countries after the collapse of socialism in Eastern Europe to create the “united Europe” by the hasty integration of most of Eastern European countries to European Union. The author summarizes the results of these ideas.

Keywords: United Europe; European integration; post-socialist countries; EEC; «United market»; European communities; EU.